

не пустив в обращение этих идей, не давала мне покоя. Всю статью, целиком до самого проекта, необходимо напечатать в „Гражданине“ не только как передовую журнала, но как основную программу журнала. Панаев пишет как умный человек, ясно, спокойно и твердо. Катков пишет сильно, действуя на нервы. Панаев пишет действуя на ум и убеждения. Этого мало. Мыслит он как первоклассный мыслитель, и вообще талантливый писатель и интересный человек».

Ваш В. Пуцкович.

P.S. На книге Достоевский надслал пометок. Вообще, он от Вашего *profession* положительно в восторге, и все твердил, что главные идеи его детище, хотя и говорил, что Вы у него не заимствовали.

Заметка эта написана Валерианом Александровичем Панаевым — известным инженером путей сообщения и автором ряда брошюр по политическим, социальным и экономическим вопросам (см.: Воспоминания В. А. Панаева // «Русская старина» за 1893 и последующие годы).

Ответственность за точность передачи отзыва Достоевского лежит, конечно, на авторе письма. Копия письма Пуцковича хранится в *Dokumentensammlung Darmstaedter* Прусской государственной библиотеке. Сообщено нам С. О. Якобсоном.⁹

Перу В. А. Панаева принадлежало несколько брошюр и книг, в том числе «Восточный вопрос» (1877), «Финансово-экономические вопросы» (1888), «Общинное землевладение и крестьянский вопрос. Собрание брошюр и статей» (1881). В письме В. Ф. Пуцковича речь, возможно, идет о брошюре «Финансово-экономические вопросы». Экземпляр брошюры с пометами Достоевского, должно быть, не сохранился. По ценно датированное свидетельство Пуцковича: Достоевский в первых числах марта 1878 г. читал книгу Панаева, которую оценил чрезвычайно высоко. Суждения его об авторе восторженные: «первоклассный мыслитель», «талантливый писатель», умный и интересный человек. Никаких оснований для мистификации или искажения слов Достоевского у Пуцковича не было. Брошюры и книги В. А. Панаева должны войти в круг близкой и с особенным вниманием прочитанной Достоевским литературы в последние три года жизни писателя.

⁹ На чужой стороне. Берлин; Прага, 1924. С. 158.

С. Н. ДАУГОВИШ

О ВОЗМОЖНОМ ЛУБОЧНОМ ПОДТЕКСТЕ
РАССКАЗА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «СКВЕРНЫЙ АНЕКДОТ»

Одержимый тайной мечтой о «повсеместной популярности», его превосходительство Иван Ильич Пралинский обретает надежду на «патриархальное», «высоконравственное» и «изящное» развитие «народного» сюжета со своим участием в момент неожиданного появления «славной русской старухи» «в чепчике, к которому она, видимо, не привыкла» (см.: 5, 13—14, 20—21). При этом, как подчеркнуто в рассказе, в руках у родительницы Пселдонимова, простой русской женщины, «был небольшой круглый поднос» для угощения вином (5, 20). Обе эти детали (чепчик и поднос) заимствованы из лубка.

В 1861 г., после укоренения в литературном обиходе добродушных насмешек над «статейками о настоящем времени», публикация труда И. М. Снегирева¹ «Лубочные картинки русского народа в Московском мире» вряд ли могла восприниматься нейтрально. Текст сочинения, посвященного низовым формам искусства, начинался словами: «В то самое время, как проявления русской народности в жизни, искусстве и письменности составляют предметы разносторонних наблюдений и ученых исследований, — не будет излишним и несвоевременным обозрение русских, или вернее сказать, московских лубочных картинок, соединяющих в себе письменность с изображениями».²

Контаминацией вариантов «бессмертной фразы»,³ возможно, маркирован Ф. М. Достоевским зачин рассказа: «Этот скверный анекдот случился именно в то самое время, когда...» (5, 5).

¹ В. Н. Топоров установил, что отец Ф. М. Достоевского был «добрым знакомым И. М. Снегирева», «жившего неподалеку от Марининской больницы, у Троицы, на углу Троицкой ул. и 3-го Троицкого пер.». См.: Топоров В. Н. Еще раз об «умышленности» Достоевского // *FINITIS DUODECIM LUSTRIS*: Сб. статей к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллин, 1982. С. 128.

² Лубочные картинки русского народа в Московском мире / Соч. Ив. Снегирева. М., 1861. С. 1.

³ Чутко откликнулся на парадигматичность «фразы» Д. Д. Минаев, поместивший в седьмой книжке «Светоча» за 1860 г. стихотворение «Современная песня»:

Я за квартиру плачу очень дорого,
Злость ведь берет, господя:
Как это смеют так драть, словно с вора,
В настоящее время, когда...

Кликнешь ли ваньку с измученной клячей,
Едешь — полсутки езда.
Такса хоть есть, — а берет он с придачею
В настоящее время, когда...

Горе ль в трактире лечить станешь водкою,
Водка — не водка, — вода,
Воду закусишь гнилою селедкою
В настоящее время, когда...

Следует отметить, что самая техника комического в «Скверном анекдоте» во многом прямо соответствует системе приемов, общих, по мнению И. М. Снегирева, для народных «притч, побасок, сатир и вообще балагурных картинок, или карикатур». Русский лубочный комизм контрастен в переходах «от строго-важного и назидательного к забавному, шутивому и балагурному». Ему сродни «перелицовка и каламбур, какие часто проявляются в переименовании иностранных слов на свой лад». Он не знает препятствий в переработке иностранного «потешного» материала для своих «особенных и исключительных» нужд. «Иногда, — отмечает И. М. Снегирев, — сцены из немецкой жизни облакаемы были в русские формы, и наоборот».⁴

Среди более чем тридцати описываемых И. М. Снегиревым «шуточных картинок лубочной печати» есть и снабженная русским текстом очевидная калька с немецкой ксилографии. О ней сказано: «Изображение трех господ в немецких костюмах за столом; перед ними стоит хозяйка с рюмкою на подносе... Здесь видим старинный русский обычай, <...> а обстановку иностранную: в комнате нет образа на стене и один из гостей сидит за обедом в трехугольной шляпе». Приводится и русский текст⁵ лубка: «По старине, когда на стол поставят есть, хозяйка сама должна поднести, для прочищения глотки, гостям по чарке водки, для лучшей кушать им охотки, а как поднос им станет подавать, должна она гостей потом поцеловать. Я моту похвалю такую и лишь одно похвалю; по пищу то охоты придает, хозяйкин поцелуй поароматит губы, а водка зубы. Да если ты дурна, хозяйюшка, мой свет, так водку поднеси, как кончится обед».⁶

Онемеченность «чиновничьего сюжета», главный персонаж которого карикатурно проваливает роль героя «русских былей и анекдотов», является совершенно естественным и даже вполне обязательным признаком «петербургского текста» у Ф. М. Достоевского. Точно так же, как и поэтика предметно-смысловых трансформаций, пространственно-временных сдвигов и инверсий.

Изображенная в экспозиции «Скверного анекдота» пирушка «трех мужей в генеральских чинах» устроена скупым и «всю жизнь любив-

Сунешься ль с делом куда в канцелярию,
Вздумаешь дать — так беда,
Двери захлопнет швейцар с злою харею
В настоящее время, когда...

Акцию ль купишь, чтоб жить с оборотами —
Обществу, смотришь — беда;
Плачут директора, ставши банкротами
В настоящее время, когда...

Правда — не слышишь теперь уже «милаго»,
А «дурака» — никогда,
Гласность смирила грубость строптивного
В настоящее время, когда...

⁴ Лубочные картинки... С. 11, 114—115.

⁵ Публикация Д. А. Ровинского показывает, что в оригинале нет заглавных букв, роль почти всех знаков препинания выполняют точки, форма некоторых слов иная («хозяйюшка», «лутчей»). См.: Русские народные картинки / Собрал и описал Д. Ровинский. Кн. 1. Сказки и забавные листы. СПб., 1881. С. 310.

⁶ Лубочные картинки... С. 116—117.

Шуточная картинка лубочной печати «Пирушка»

шим регулярность» Степаном Никифоровичем явно в немецком духе: «комфортно» и «ровно до половины двенадцатого» (5, 5). Черты «дурной собою хозяйюшки» (см. выше) обнаруживаются во внешнем облике невесты Пселдонимова, которую тот «брал <...> не за красоту» (5, 20). Лубочная же немка в чепчике, подносящая гостям рюмку именно на небольшом круглом подносе, оказывается (в эксцентричном воображении Пралинского) единственным на чиновничьем пиру «русским лицом» (5, 21).

Типологически «немецкая» (для русского читателя середины XIX в.) сказка Х. К. Андерсена «Калоши счастья», первая часть которой может рассматриваться как один из источников «Скверного анек-

дота»,⁷ также соотносима с лубочным подтекстом рассказа. Инолитературный двойник действительного статского советника Ивана Ильича, советник Кнап, силой волшебства оказавшийся в весьма неподходящем ему «грубом обществе», путает «печатную лубочную картинку» прежних времен с «сегодняшним номером» копенгагенской газеты «День». Лубочным комизмом отмечена и сцена угощения несчастного любителя старины: голову девушки, «с поклоном подносящей советнику вино», украшает «двухцветный чепец», «по уставу короля Ганса» полагающийся особам «двусмысленного поведения».⁸

Рассказ о квазимосковских приключениях петербургского генерала мог явиться и структурной перелицовкой приключений советника титулярного. Амбивалентная фигура Якова Петровича Голядкина, героя, сочетающего в себе признаки как авантюрно-романтической эстетики, так и «волшебной сказки в ее лубочном варианте»,⁹ сродни двойственному образу Ивана Ильича.

Голядкин, «архаист», порицающий всякую аномативность и рассуждающий «о том, что Россия с часу на час идет к совершенству», в душе — отчаянный «новатор», романтически братающийся (здесь важен мотив опьянения, вина) со своим неблагопристойным двойником и уговаривающий его «заодно хитрить» и «интригу вести» (I, 156, 157—158).

Пралинский,¹⁰ генерал и поэт одновременно, пб существу — тот же двойственный тип «петербургского русского», во вкусе Девушкина и Голядкина сниженный до уровня дубка, но, разумеется, не узнающий самого себя в «низкой» литературе «гоголевского направления».

Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И Е. В. ТАРЛЕ

Гений Достоевского привлек к себе пристальное внимание не только великих писателей и критиков его и последующих эпох, но и многих выдающихся ученых: И. П. Павлова, В. М. Бехтерева, А. А. Ухтомского, А. Эйнштейна, П. Наторпа, З. Фрейда и многих других. К числу его почитателей относился и наш знаменитый

⁷ Подробнее см.: Даугович С. Литературное произведение и его смысловая интерпретация. Рига, 1990. С. 14—15.

⁸ Полное собрание Сказок Андерсена. 2-е изд. Трубниковой и Стасовой. Пб., 1867. С. 11—12 (особой пагинации третьей части тома).

⁹ Ветловская В. Е. Ф. М. Достоевский // Русская литература и фольклор: Вторая половина XIX в. Л., 1982. С. 18.

¹⁰ Традиционное «французское» объяснение фамилии героя современными исследователями дополняет немецкоязычным «grahler» в переводе на русский означает «хвалиться», «хващаться», а «Praliner» — «хвастун», «бахвал». См.: Циц М. И. О повествовательных особенностях рассказа Ф. М. Достоевского «Скверный анекдот» // Современные проблемы метода, жанра и поэтики русской литературы. Петрозаводск, 1991. С. 118.

Любопытно, что в датском языке «gralhals» (хвастун, фанфарон, бахвал, болтун) может вступать в контрастные отношения с «кнап» (еле справляющийся, скудный, скупой на слова).

историк академик Е. В. Тарле (1874—1955), 120-летие которого исполнилось в 1994, а 40-летие со дня смерти — в 1995 г.

Глубокий интерес Тарле к Достоевскому зародился еще в юношеские годы ученого. В ноябре 1900 г. в Варшаве он выступил с публичной лекцией «Достоевский и Шекспир», где отмечал «значение и роль психологического реализма в мировой литературе», и, рассматривая Достоевского и Шекспира как двух главных его представителей, высказал мнение, что Достоевский сделал по отношению к Шекспиру «новый шаг в изображении страстей». Именно этим Тарле объяснял «влияние Достоевского в современной западно-европейской литературе».¹

Несомненно, что как автора диссертации о Томасе Море, крупнейшего специалиста по истории общественной мысли и всеобщей истории нового времени, создателя книг о положении рабочего класса во Франции в эпоху революции XVIII в., а позднее — о Наполеоне и Крымской войне, Е. В. Тарле должно было интересовать также отношение Достоевского ко всему сложному комплексу вопросов об отношении России и Запада. Однако, как свидетельствуют дошедшие до нас тезисы его лекции, внимание его прежде всего привлекал Достоевский-художник, изобразитель «ревности, гнева, любви, жестокости, честолюбия»,² возросших во второй половине XIX в. по сравнению с эпохой Шекспира и преобративших в связи с этим новые формы, угаданные гением Достоевского.

В 1900—1905 гг. Тарле обращается с рядом писем к А. Г. Достоевской.³ Из них видно, что в это время они не были лично знакомы. В письме от 5 декабря 1900 г. молодой ученый пишет о своем «восторге» перед Достоевским, соглашаясь с мнением варшавского газетного обозревателя о «культе» Достоевского, которым была проникнута его лекция. В ответ А. Г. Достоевская посылает ему по его просьбе фрагмент черновой рукописи «Братьев Карамазовых». Благодаря ее 13 февраля 1901 г. за этот подарок, Тарле пишет: «Уже давно, с первых курсов университета, я занимаюсь произведениями Вашего мужа и льщу себя мыслью, что результаты этой моей работы не будут вполне безынтересны: в творчестве Достоевского есть такие элементы, такая огромная, ни с чем не сравнимая глубина, что, конечно, для целых поколений критиков хватило бы (и хватит) работы, когда наша культура настолько повысится, что мы начнем ценить по достоинству наших гениев <...> Думаю, что через несколько лет, если обстоятельства сложатся благоприятно, я напишу книгу о творчестве Достоевского, но, к сожалению, не могу ручаться, что это будет скоро <...> Я коснусь главным образом <...> его художественного, психологического, изобразительного гения <...> Судить о Достоевском на основании его политических и иных воззрений — это все равно, что судить на подобном же основании Рентгена <...> До-

¹ Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. М., 1981. С. 173. Ср.: Тарле о Достоевском // Советские архивы. 1966. № 6. С. 94—95 (публикация Е. И. Чапковского).

² Из литературного наследия... С. 173.

³ Там же. С. 174—188.